

Цинь Лу только что открыла глаза, как за дверью раздался стук.

— Цинь-сяое, вы уже проснулись? — послышался голос служанки Мэй Инь.

Цинь Лу тихо промычала в знак согласия.

Дверь распахнулась, и вошла девушка с медным тазом в руках. На вид ей было лет пятнадцать-шестнадцать, круглое лицо, ясные большие глаза — выглядела она весьма мило. Подойдя к кровати, она по привычке смочила полотенце в воде, отжала его и протянула Цинь Лу.

— Цинь-сяое, вы по-прежнему будете умываться сами? — осторожно спросила Мэй Инь, и рука её, державшая полотенце, слегка дрожала.

Она до сих пор помнила, как три дня назад принцесса приставила её ухаживать за Цинь-сяое. Утром, когда она собралась умыться, он грубо оттолкнул её. Не ожидав такого, она со всего маху упала на пол. Запястье у неё и сейчас ещё побаливало — это она тогда при падении опёрлась на руку.

Цинь Лу не обратила на неё внимания, взяла полотенце левой рукой и провела им по лицу.

Правое плечо у неё было прострелено стрелой, рука не поднималась, к тому же левая нога была сломана, и она не могла встать с кровати. Но она по-прежнему не привыкла, чтобы кто-то приближался к ней, поэтому ей приходилось самой, с трудом, утирать лицо, а после — полоскать рот, используя зеленую соль, в другом тазу, который держала служанка.

Пока она окончательно не привела себя в чувство, в этот холодный день на лбу у неё уже выступила мелкая испарина.

Слишком уж больно.

Впрочем, Цинь Лу не слишком жаловалась на боль. Когда она выполняла задание, в неё попала пуля, и она не уберегла свою жизнь. Сейчас же у неё всего лишь сломана нога и ранено плечо — по сравнению со смертью это куда лучше.

Хотя она и очутилась, сама не заметив как, в династии, которой не существовало в истории. Превратилась в переодетую мужчиной возницу из резиденции принцессы, да ещё и делящую тело с другой.

Жаль только одно — перед смертью она не успела передать сберкнижку двоюродной сестре. Ведь это были деньги, заработанные потом и кровью её родителей и дяди с тётей. Знала бы, что умрёт такой молодой, — отдала бы их сестре раньше.

Мэй Инь посмотрела на Цинь Лу перед собой.

Та плотно сжала губы, лицо у неё было бледное, миндалевидные глаза слегка прикрыты, она тихонько вздрагивала, словно сдерживая боль. Тут Мэй Инь заметила, что Цинь-сяое, хоть и худощав, а всё же довольно хорош собой.

Мэй Инь колебалась, стоит ли вытереть ему пот, но запястье снова заныло, и она не решилась соваться не в своё дело, а просто вынесла медный таз из комнаты.

Мэй Инь была личной служанкой нынешней принцессы Тяньцзяо, а Цинь-сяое, о котором она говорила, — всего лишь прислугой в резиденции принцессы. Прислуживала же она ему лишь потому, что три дня назад, когда принцесса выехала на прогулку и столкнулась с убийцами, хоть телохранителей было много, враг напал так яростно, что все они бросились отражать атаку, оставив принцессу одну. И неизвестно, откуда у этого возницы, Цинь-сяое, взялось столько смелости: он вытащил принцессу из кареты, спрыгнул с обезумевшей лошади и сам прикрыл её собой от стрелы.

А вот она, Мэй Инь, хоть и была личной служанкой с боевыми навыками, от страха совсем растерялась и опомнилась только тогда, когда взбесившаяся лошадь с каретой домчала до обрыва, и ей пришлось наспех выпрыгнуть.

Её наказали — приставили ухаживать за Цинь-сяое.

А сам Цинь-сяое вместе со всей своей семьёй, за то что спас принцессу, взлетел на вершину блаженства.

Раньше она и в грош не ставила этого Цинь-сяое, но никак не ожидала, что он окажется таким несносным. Даже умыться ему не даёт, и к женщинам не питает ни капли жалости.

Выйдя из комнаты, Мэй Инь посуровела лицом.

Завтрак тоже приносили в комнату: миска каши из овощей, сваренной на курином бульоне, четыре паровых пирожка, два пельменя с начинкой и лепёшка с зелёным луком, а в придачу несколько закусок. Такой завтрак в современном мире стоил бы не меньше пятидесяти юаней.

Где родился, там и пригодился. С тех пор как в тот год её родители и дядя с тётей погибли в результате несчастного случая, у Цинь Лу сложился такой характер. Ей было удобно и в пятизвёздочном отеле, и сидеть на корточках в уличном переулке — лишь бы поймать ещё одного преступника и сделать общество безопаснее, а уж как — неважно.

Сейчас ей нужно было в первую очередь залечить раны.

Позавтракав, Цинь Лу от скуки взяла лежащую рядом книгу — а это оказался роман о любви

ветреного книжника и знатной барышни. Глянула на пару страниц и бросила. Такую книгу, пожалуй, читала бы, спрятавшись под одеялом, разве что та девушка, чьим телом она теперь владела и чей пол был столь жестоко подавлен. Цинь Лу давно перестала придавать значение своему полу, так что какая уж тут тяга к подобным томным переживаниям.

Пока она так же скучала без дела, снаружи послышались торопливые шаги, дверь распахнулась, и в комнату вошла женщина лет сорока.

На ней был серый безрукавый кафтан, в волосах — серебряная шпилька, из-под одежды угадывалась крепкая полнота. Это была мать этого тела — Мэй-ши.

Мэй-ши, едва войдя, тут же нырнула к шкафу, порылась там и вытащила длинную верхнюю одежду светло-голубовато-зелёного цвета и тёмно-синий пояс. С ними она подошла к кровати и поторопила Цинь Лу:

— Давай, Сяолу, вставай скорее, переоденься. Вот эту светло-зелёную накинь — в ней ты хорош!

Цинь Лу, получив память бывшей владелицы тела, знала, что та девушка, как и она сама, была холодна характером и к матери, Мэй-ши, помимо родственных чувств, питала ещё и некую обиду. Обиду на то, что Мэй-ши ради своего положения, чтобы угодить мужу, с малых лет заставила дочь переодеваться в мужскую одежду и тем самым погубила всю её жизнь.

В случае три дня назад, помимо желания спасти людей, девушка Цинь Лу заодно решила и умереть. Перед смертью она спасла принцессу — пусть потом матери и двум сёстрам будет не так уж трудно. Но она, она предпочла бы умереть, чем послушаться матери и жениться на младшей дочери управляющего резиденцией принцессы.

Пусть за той дочерью управляющего дают богатое приданое, пусть благодаря тестю и её собственная жизнь, и жизнь старшей замужней сестры с семьёй, и жизнь ещё непросватанной третьей сестры — у всех всё бы сложилось иначе.

Да только она не хотела. Её жизнь уже была загублена. И она не желала губить жизнь ещё кого-то.

Цинь Лу, с трудом подавляя гнев и обиду девушки Цинь Лу, спокойно посмотрела на Мэй-ши.

— Матушка так торопишься, чтобы я переоделся, уж не собралась ли Сюфан прийти меня проведать?

Сюфан, по фамилии Чжан, была младшей дочерью главного управляющего резиденции принцессы, Чжан Жуя.

Улыбка на лице Мэй-ши слегка застыла, но лишь на миг, и тут же сменилась новой:

— Что ты говоришь, дитя. Я уже передумала. Коль уж ты не хочешь, так и ладно. Я уже посылала людей сказать матери Сюфан, чтобы об этом больше не вспоминали. Это принцесса собирается тебя навестить. Только что приходила госпожа Цин Инь, приближённая принцессы, — передала весть. Раз принцесса идёт, ты уж так и быть приberi себя, верно? А если чем-то принцессу прогневишь, то это не только твоё дело — вся наша семья пострадает.

Цинь Лу ещё не успела открыть рта, как обиду девушки Цинь Лу прорвало, и та выпалила:

— Так даже лучше! Матушка всегда терпеть не могла трёх наложниц и двух братьев. Если всю нашу семью накажут, так и хорошо — все вместе умрём, зато матушка перестанет каждый день злиться в одиночку!

Не успела испугаться Цинь Лу, как испугалась и Мэй-ши.

— Ты... как ты можешь так говорить... — голос Мэй-ши упал, лицо её побледнело, глаза мгновенно наполнились слезами.

Цинь Лу почувствовала, что гнев и обида девушки Цинь Лу понемногу улеглись. Немного подождав, она так и не дождалась, чтобы та захотела кого-то утешать, и махнула на неё рукой. Цинь Лу была чужой для Мэй-ши, да к тому же не одобряла того, как та растила дочь, выдавая её за сына, так что утешать её, само собой, не стала.

Потупив взгляд, Цинь Лу принялась беззаботно дремать.

Мэй-ши прождала довольно долго, не дождавшись ответа дочери, и, набравшись смелости, глянула — а та давно уже отвернулась и знать её не желает.

Помявшись, она всё же решилась сказать:

— Сяолу, я тебя умоляю, надень одежду! Пойми, это ведь принцесса! Если она обратит на тебя внимание, ты сразу взлетишь высоко. Тогда твой отец будет сам к тебе прибегать! А те три дряни со своими сыновьями тоже будут лизать тебе пятки!

Девушка Цинь Лу молчала, но в голове у Цинь Лу тихонько всхлипывала. Цинь Лу стало не по себе, и она раздражённо оборвала Мэй-ши:

— Матушка неужто забыла, что я — девица? Коли принцесса мной заинтересуется, что мне тогда делать? Или матушка впрямь жалеет, что я слишком долго живу, и мечтает, чтобы я поскорее умерла?

Принцесса Тяньцзяо была замужем уже трижды, и нынешний её муж — хоу, неспособный ходить. С хоу принцесса Тяньцзяо не делила ложе, в его усадьбе не жила, зато держала у себя в резиденции три тысячи любовников.

Мэй-ши словно громом поразило.

Она... она и впрямь забыла, что Сяолу — девица... Был бы Сяолу сыном, спас принцессу да заслужил бы её благосклонность — не то что А Дабао, даже если бы она захотела продать в рабство тех трёх дрянней А Дабао, и тогда тот бы пикнуть не посмел!

При этой мысли Мэй-ши с ненавистью посмотрела на лежащую в кровати Цинь Лу.

Цинь Лу же, по роду занятий умевшая читать по лицам, не могла не заметить этого взгляда. В душе она вздохнула за девушку Цинь Лу и, окончательно отвернувшись, перестала обращать на Мэй-ши внимание.

Мэй-ши постояла в комнате немного, поняла, что толку нет, и, приуныв, собралась уходить.

Но со двора слышались шаги, причём всё ближе и ближе, будто к дому шло сразу несколько человек. Сердце Мэй-ши бешено забилося: это принцесса, принцесса идёт!

— Сяолу... — Мэй-ши, сколько ни крепилась, всё же не выдержала. — Сяолу, ты... ты переоденешься?

Всё-таки это сама принцесса. Быть прислугой в резиденции принцессы и предстать перед нею в неряшливом виде — это преступление.

Преступление, за которое могут пострадать все родные.

Мэй-ши переводила взгляд с окна на пол, с пола на бледную, забившуюся под одеяло Цинь Лу, и сердце у неё готово было выпрыгнуть из груди.

Окна не вытерты, пол не подметён, в комнате не успели поставить свежих цветов, не успели зажечь благовония, да и сама Цинь Лу выглядит как попало — не прогневается ли принцесса?

Во взгляде, который Мэй-ши бросила на дочь, сквозила мольба. Цинь Лу уже собралась было что-то сказать, как дверь со скрипом отворилась. Мэй-ши поспешно отвела взгляд и с глухим стуком рухнула на колени.

— Ваша служанка приветствует принцессу.

Сюй Тяньцзяо скользнула по ней равнодушным взглядом, и стоявшая рядом служанка Цин Инь тотчас произнесла:

— Встань.

— Б... благодарю принцессу! — голос Мэй-ши дрожал; опираясь руками о пол, она медленно поднялась.

— Ваш слуга приветствует принцессу. — Цинь Лу слегка повернулась, низко опустив голову, лицом к двери. Из-за ран ей было трудно двигаться, и, едва договорив, под влиянием нахлынувших чувств девушки Цинь Лу она добавила: — Ваш слуга не может встать и поклониться принцессе, прошу простить.

Раны девушки Цинь Лу были тяжёлыми: даже от одного этого поворота корпуса Цинь Лу так стиснула зубы, что они заскрипели. Ранняя весна, третий месяц, а она не продержалась в такой позе и минуты — на лбу и на спине выступил пот. Цинь Лу снова стиснула зубы, терпя.

Сюй Тяньцзяо стояла посреди комнаты. Ростом она была невысока, но кровать — не низкая, а Цинь Лу, напротив, высокая, так что, даже сидя на кровати согнувшись и опустив голову, Сюй Тяньцзяо прекрасно видела выражение её лица.

Ясно же — стиснула зубы от боли, пот холодный выступает, а этот возница терпит изо всех сил. Уж не для того ли так выделяется, чтобы разжалобить, чтобы я сама предложила награду?

Хм, — Сюй Тяньцзяо тихонько фыркнула.

— Ничего страшного.

— Благодарю принцессу. — глухо произнесла Цинь Лу, мягко повернулась и, усевшись ровно, наконец облегчённо выдохнула.

Даже после того как она повернулась, голова её оставалась низко опущенной.

В древности строго соблюдались ранги, и девушка Цинь Лу была всего лишь прислугой, так что, разумеется, не смела поднимать голову и глазеть по сторонам. К тому же уже из этих двух слов — ничего страшного — можно было понять, сколь горда и надменна эта принцесса. С таким человеком ни в коем случае нельзя ссориться.

Возможно, из-за своей профессии Цинь Лу особенно дорожила жизнью. К тому же в прошлой жизни она какое-то время работала под прикрытием и очень быстро приспосабливалась к обстановке. Сейчас, хоть в душе она была не согласна, внешне полностью изображала из себя слугу.

Сюй Тяньцзяо с интересом разглядывала стоящего перед ней возницу.

Лицо блее, чем у иной женщины; волосы собраны на макушке и заколоты деревянной шпилькой, несколько прядей чёрных волос спадают до мочек ушей, отчего и уши, и профиль кажутся ещё блее. Губы плотно сжаты, подбородок чуть втянут, взгляд устремлён на тонкое одеяло, которым она укрыта, и даже не моргнёт.

Вид такой, будто очень боится, но притворяется, что не боится. Однако только что она, Сюй Тяньцзяо, ясно видела в уголках его глаз и бровей пренебрежение.

Сюй Тяньцзяо не считала, что могла ошибиться: кто спокойно вырос во дворце, кто трижды выходил замуж и двоих мужей свёл в могилу, — если бы у неё не было такой наблюдательности, она была бы принцессой зря.

Всего лишь какой-то возница — и посмел относиться к ней с пренебрежением. На что он надеется?

Тут она вспомнила о Мэй Инь — о той, что подослана императором-братцем, о той, что по имени считается её служанкой, а на деле — предательнице, докладывающей братцу-императору о каждом её шаге!

Она чуть скривила губы в улыбке. Этот возница посмел отнестись к ней с пренебрежением. Уж не братец ли император и его подослал?

Цинь Инь, увидев, что губы госпожи изогнулись в улыбке, тотчас догадалась о её мыслях, махнула рукой Мэй-ши и в мгновение ока вывела всех из комнаты.

Когда дверь, закрываясь, снова скрипнула, Цинь Лу обернулась и с удивлением посмотрела туда.

Комната выходила на юг — отличная комната для прислуги, в неё Цинь Лу перебралась три дня назад после ранения по приказу принцессы Тяньцзяо. Теперь, когда дверь закрылась, отрезав солнечный свет снаружи, улыбка на лице принцессы Тяньцзяо, при тусклом свете, выглядела несколько странно.

— Принцесса, это...? — Цинь Лу в нужный момент изобразила полное недоумение.

На самом деле в душе она и впрямь недоумевала, тем более что девушка Цинь Лу в её голове испуганно задышала, сбив все её мысли, и она никак не могла сообразить, что означает поведение принцессы.

У этого возницы — и такое прекрасное лицо!

Сюй Тяньцзяо тихонько вдохнула. Такая внешность — в тысячу раз лучше, чем у тех любовников, что живут у неё в заднем дворе. Как же так, почему она раньше не замечала? И эти проклятые слуги — почему не доложили? Раз у неё в собственном доме есть мужчина такой внешности, зачем же ей искать по всему городу? Видно, братец-император преподнёс ей большой подарок!

Только вот в глазах этого возницы — удивление, недоумение и ещё, кажется... скрытый страх. Но только не восхищение!

Сюй Тяньцзяо подняла правую руку и легонько провела пальцами по подбородку.

— Цинь Лу, я красива? — Она подошла к кровати, без тени брезгливости присела на край, оперлась рукой о кровать, чуть подалась вперёд, и лицо её оказалось на расстоянии ладони от лица Цинь Лу.

Брови взлетают вверх, на губах улыбка — словно сошла со старинной картины, полная чувств красавица.

У Цинь Лу перехватило дыхание, и, забыв о боли, она поспешно отодвинулась на вершок.

Принцесса Тяньцзяо, как говорила девушка Цинь Лу, была первой красавицей Династии Дасюй.

Кожа у неё белая, нежная, гладкая — Цинь Лу вспомнила нежное, тающее во рту яйцо, приготовленное на пару. Лицо маленькое, волосы зачёсаны назад и собраны в пучок с левой стороны, лоб чистый, брови тонкие и длинные, а глаза словно испускают томный, манящий свет...

Цинь Лу сперва просто разглядывала её, но, встретившись с этими глазами, невольно утонула в них.

Хм, — Сюй Тяньцзяо фыркнула во второй раз.

Тут же она резко встала, и в глазах её, только что полных чар, мгновенно вспыхнуло глубокое отвращение.

— Ты спас мне жизнь, стало быть, оказал мне услугу. Я не привыкла оставаться в долгу. Говори, чего ты хочешь?

Все они, мужчины, одинаковы — ни один не устоял перед этим её лицом. Сюй Тяньцзяо отошла от Цинь Лу, и голос её снова приобрёл привычное высокомерное презрение.

Внимание Цинь Лу было приковано не к Сюй Тяньцзяо, а к самой себе, и она была потрясена. Она вспомнила, как много лет назад начальник отправил её работать под прикрытием. Тогда, поскольку она окончила учёбу меньше месяца назад, все возражали, считая, что она не справится. Но начальник при всех сослуживцах сказал одну фразу — фразу, от которой у неё и через много лет работы захватывало дух.

Начальник сказал: у Цинь Лу очень сильная воля, её ничем не проймёшь, и я верю, что отправить её под прикрытие — самое верное решение.

Разумеется, в тот год она не подвела начальника.

Но только что...

— Говори же, говори! — вдруг заторопила девушка Цинь Лу, и Цинь Лу мгновенно пришла в себя. Подняв голову, она увидела лицо, искажённое гневом.

И всё же на свете есть люди, которые и в гнев так прекрасны.

Цинь Лу слегка улыбнулась.

— Благодарю принцессу за доброту. Раз уж ваш слуга — прислуга в резиденции принцессы, спасти принцессу было моим долгом. Если принцесса непременно желает меня наградить, то подберите моей сестрице хорошую партию.

Иные желания Мэй-ши она исполнить не может, но вот подыскать для сестрицы девушки Цинь Лу хорошего жениха — это можно.

Сюй Тяньцзяо показалось, что улыбка Цинь Лу режет глаз, и она отвела взгляд, холодно спросив:

— А чего хочешь ты сам?

Цинь Лу снова опустила голову.

— У вашего слуги только одно это желание.

Сюй Тяньцзяо, заметив белизну шеи Цинь Лу, почувствовала лёгкую неловкость. Какой-то возница самого низкого ранга — а кожу имеет такую хорошую. Такая внешность, такая кожа — уж не для того ли, чтобы быть содержанцем, чтобы его заперли и любовались?

— Правда? Только одно это желание? — очень тихо повторила Сюй Тяньцзяо, а после паузы

снова заговорила: — Ты едва жизнь не отдал — и всего-то одно желание?

Цинь Лу опустила голову ещё ниже, показывая, что именно так.

Сюй Тяньцзяо тихонько рассмеялась.

— В моём заднем дворе хоть и три тысячи любовников, но нет ни одного главаря. Цинь Лу, согласен ты или нет?

Что?

Цинь Лу резко подняла голову, и её длинные, чуть раскосые миндалевидные глаза округлились от изумления.

Сюй Тяньцзяо, чуть скривив губы, сказала:

— Что, слишком взволнован? Твоё положение, конечно, низкое, но внешность и впрямь неплоха. С такой внешностью — не то что в моём заднем дворе, а во всей Столице — ты достоин того, чтобы я сделала для тебя исключение.

С такой внешностью...

<http://bllate.org/book/21777/2252008>